

Л.В. Фадеева

Апозиопеза как стилистическое средство редукции синтаксической структуры предложения в современном немецком языке

Статья посвящена детальному анализу апозиопезы как стилистического средства создания синтаксической выразительности предложения в современном немецком языке. Классифицируются функционально-стилистические возможности прерванных синтаксических конструкций. Выявляются отличия апозиопезы/прозиопезы от других стилистических средств, связанных с изменением структуры предложения.

Ключевые слова: синтаксическая выразительность; апозиопеза/прозиопеза; прерванные синтаксические конструкции; эллипсис.

В синтаксической стилистике существуют фигуры, нарушающие структурную полноту и смысловую завершенность высказывания. Редукция (усечение) синтаксической структуры связана с опущением одного или нескольких необходимых членов предложения. *Апозиопеза* (греч. ἀποσιώπησις — сокрытие, утаивание; нем. Aposiopese, Satzabbruch) как усеченная конструкция или незавершенное, недоговоренное, внезапно прерванное высказывание давно известна в стилистике, но как прием повышения выразительности синтаксических структур сравнительно недавно стала объектом специального лингвистического исследования [8: с. 35].

Сознательная незавершенность высказывания, которая порождает неясность смысла и ведет к усилению выразительности, является сутью риторического приема *умолчания*. Начатая речь прерывается в расчете на догадку слушающего или читателя, который должен мысленно ее закончить: «Художественный смысл умолчания состоит в том, что несказанное оказывается важнее, значимее сказанного» [11: с. 113]. Разновидностями художественного приема умолчания выступают: аллюзия (ассоциативная отсылка к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности), эмфатическое цитирование (использование части фразеологизма или крылатых слов, известных собеседнику как целое) и апозиопеза (апосиопезис, апозиопеза, апосиопеза) / прозиопеза.

Стилистический прием апозиопезы представляет собой внезапный обрыв мысли в середине высказывания или недоговаривание ее до конца из-за резкого изменения коммуникативной интенции говорящего, наплыва чувств, неосведомленности или, напротив, нежелания называть вещи своими именами и т. д.

Графически данное явление оформляется многоточием либо тире, возможны вопросительный и восклицательный знаки, в устной речи сопровождается особой интонацией.

Германские лингвисты, наряду с терминами *Aposiopesis* и *Satzabbruch*, используют для обозначения синтаксического явления усечения такие понятия, как *Redeansatz*, *Redeabbruch* и *Formulierungsabbruch* [15: S. 910, 1239]. Соответствие приведенным терминам в русском языке трудно подобрать, так как они применяются для обозначения не только начатых и внезапно прерванных синтаксических конструкций, но и тех, что были все же завершены, несмотря на возникшее затруднение. Причиной, нарушающей синтаксическое построение в устной речи, на наш взгляд, может служить несвоевременная смена ролей, например, преждевременное вступление в диалог собеседника. В ходе непосредственного речевого акта устные высказывания появляются спонтанно, у говорящих зачастую нет времени на обдумывание и выстраивание логической последовательности, что нередко приводит к синтаксической несогласованности членов предложения (анаколуф, нем.: *Anakoluth*, *Konstruktionsbruch*, *Konstruktionsmischung*) [7: с. 38]. Такое коммуникативно значимое грамматическое рассогласование в процессе порождения высказывания может остаться незамеченным или быть допущенным говорящим умышленно для придания фразе характерной остроты (например, в бытовой речи или в речи взволнованного человека).

Усеченные конструкции функционируют в конкретных (устных и письменных) речевых актах и отличаются разной степенью смысловой незавершенности. Апозиопеза может выражать как вполне определенную информацию, вплоть до однозначной, так и неопределенную, допускающую несколько вариантов осмысления. Рассмотрим функционирование апозиопезы в конкретной ситуации устного речевого акта на материале творчества современных немецкоязычных писателей П. Штамма и Т. Бруссига.

Так, в рассказе П. Штамма «Поцелуй» взрослая дочь предлагает пожилому отцу, приехавшему погостить, варианты совместного отдыха, которые не вызывают у него интереса, поэтому ее высказывание остается незавершенным. Даже очень приблизительное восстановление невербальной части прерванной фразы представляется весьма затруднительным из-за большого разнообразия возможных вариантов: «Was wollen wir machen? Wir können ein Stück mit dem Zug fahren und dann...¹ Aber er wollte wieder durch die Schlucht» [4: S. 150].

Автор может сознательно не до конца выражать мысль, предоставляя читателю или слушателю самому догадаться о невысказанном. Опора на контекст, окружающий апозиопезу, создает относительную смысловую определенность незавершенного предложения. Характерный пример данного явления мы также находим в рассказе П. Штамма «Эксперимент»: «Eine

¹ Здесь и далее многоточия авторские.

Inderin, Yotslana. Sie hat das schönste schwarze Haar, das du dir vorstellen kannst. Und Augen...» [4: S. 129].

Лексическое наполнение базового предложения, предшествующего апозиопезе, создает смысловую определенность недоговоренной части высказывания, которая усиливается за счет невербальной составляющей речи. Так, в романе Т. Бруссига «Герои вроде нас» читаем: «Ein Schüler der 3. Klasse als Experte für akustische Experimente! Was würde mein Vater dazu sagen? Ein Vater, der so wenig an mich glaubte, daß er sich nicht mal der Anstrengung unterzog, einen vernichtenden Satz wie “Ach, aus dem Jungen wird doch nichts!” zu Ende zu bringen; er winkte nach den Worten “Ach, aus dem Jungen...” immer nur resignierend ab» [1: S. 10]. Таким образом, прерванное предложение рассматривается как своеобразный трансформ исходного полного предложения, полученный в результате усечения части синтаксической структуры [6: с. 9].

Апозиопеза характерна для разговорной немецкой речи, где велика доля окказиональной и персонально-личностной составляющей, а форма выражения не является доминантой. Говорящий может прервать высказывание, не желая озвучивать мысль до конца, называть вещи или обстоятельства, вполне очевидные для участников беседы, или соблюдая общепринятые социальные нормы, например, из чувства неудобства.

Отечественный германист В.Д. Девкин отмечает необходимость проводить принципиальное разграничение между несвязанной речью (Stammeln) и узуальными моделями сознательного сокращения высказывания с переключением на имплицитность. «Многие “речевые осколки” отражают несформированность мысли, то, что суждение еще не состоялось. Логические связи и отношения еще не созрели в сознании, а потому и не нашли должного четкого выражения» [10: с. 89]. Например: «Es hat keine Bedeutung mehr. Und trotzdem... sollst du wissen... möchte ich dir sagen...» [3: S. 196].

По мнению В.Д. Девкина, никакой «экономии», сжатия состава предложения или обдуманного сокращения в данном случае не может быть, поскольку мысль пока не родилась полностью. Все речевые «недоделки», элементы несформировавшейся мысли «спасают» додумывание, «доделка» слушающим, когда исходят не из реальной картины, а из идеальной, воображаемой.

В ситуации письменного речевого акта (в художественном и публицистическом стилях) апозиопеза как стилистический прием используется сознательно и выполняет характерологическую функцию. Усеченные синтаксические конструкции рисуют речевой портрет персонажа, характеризуя его с какой-либо определенной стороны. Во-первых, апозиопеза показывает специфику устного говорения автора речи, ее ситуативность, неподготовленность и слабооформленность, во-вторых, служит достижению выразительного эффекта высказывания, сообщает различные эмоции и эмоциональные состояния говорящего. В этом случае апозиопеза служит средством выражения эмоционального тонуса адресанта, сигналом его взволнованного состояния. На материале произведений современных немецкоязычных

писателей выделим ведущие функции апозиопезы в ситуации письменного речевого акта.

Реализация *изобразительной (эстетической)* функции усеченных конструкций связана не столько с описанием субъекта речи, сколько с передачей обстановки разговора или обстановки его восприятия. Введение в речь усеченных конструкций способствует возникновению или усилению наглядно-образных представлений, помогает избежать излишней детализации описания, устранить из высказываний говорящего всё несущественное с точки зрения задач его характеристики или описания ситуации. Например, в романе «Герои вроде нас» Т. Бруссиг описывает диалог родителей о сыне: «Irgendwann ging es mir in Fleisch und Blut über, all meine Verfehlungen als Steckbrief zu reflektieren: Gesucht wegen Nichtabschließens der elterlichen Wohnung... Tot oder lebendig!

Sie, barmend: “Eberhard...”

Er, trotzig: “Wie oft hast du ihm gesagt...”

Sie: “War doch nicht mit Absicht...”

Er: “Als ob das...”

Sie: “Tut er ja nicht wieder...”

Er: “Wie oft hat er das schon...”» [1: S. 34–35].

Высказывания с высокой степенью смысловой неопределенности невербализованной (недоговоренной) части реализуют в речи персонажей художественных произведений функцию *имитации аффективной разговорной речи*. В рассказе П. Штамма «Пылающая стена» герой затрудняется передать словами яркость своих ощущений от выполнения сложных цирковых трюков: «Die Bretter bersten, das brennende Holz fliegt durch die Luft. Das ist wie, wie...

“Das ist das Schönste überhaupt”.

“Du bist verrückt”, sagte Manuela.

“Verstehst du denn nicht”, sagte Henry. “Das ist wie...”» [4: S. 27].

Следующая функция апозиопезы — *создание подтекста* — характерна прежде всего для высказываний, смысловая незавершенность которых компенсируется их наличным составом и окружающим контекстом. Такую апозиопезу можно считать разновидностью приема умолчания. Деметрий Фалерский (354–283 гг. до н. э.) так писал об этом риторическом приеме: «Умолчание часто включает в себе некоторую силу. Мало того, даже неясность: недосказанное производит более сильное впечатление, а к тому, что пространно выражено, относятся с пренебрежением» [5: с. 303]. Такие конструкции апозиопезы в письменном речевом акте современного немецкого языка служат активизации воображения адресата, рефлексии. Например, в автобиографическом романе «Луковица памяти» Г. Грасс использует апозиопезу в целях активации воспоминаний о детстве: «Zumeist sind es Gegenstände, an denen sich meine Erinnerung reibt, das Knie wundstößt oder die mich Ekel nachschmecken lassen: Der Kachelofen... Die Teppichklopfstangen auf den Hinterhöfen... Das Klo in der Zwischenetage... Der Koffer auf dem Dachboden... Ein Stück Bernstein, taubeneigroß...» [2: S. 10].

В определенном контексте апозиопеза как прием, основанный на умолчании, может выполнять *манипулятивную* функцию. Литератор, пользующийся таким стилистическим приемом, ограничивается намеком. Апозиопеза вводит в речь многозначительность, побуждает другую сторону к домысливанию, подчеркивает несоразмерность глубины якобы заложенной мысли со скромностью самого выражения.

В нежелании называть вещи своими именами, стремлении выразить мысль не прямо, а намеком, проявляется другая функция апозиопезы — *эффемистическая*. Осуждая поступок главной героини романа Т. Хюрлимана «Сорок роз», настоятельница монастыря говорит: «Uns liegt ein Antwortschreiben eines gewissen Meier vor. Es beweist, daß Sie sich diesem Manne dargeboten haben wie eine ... wie eine schamlos schmutzige ... Sie kennen das Wort; für uns existiert es nicht» [3: S. 151].

Усеченные конструкции могут выполнять также функцию своеобразного *композиционного «переключателя»* [13: с. 103], обеспечивая естественность, мотивированность перехода из одного повествовательного плана в другой. Так, в диалоге героев романа Г. Грасса «Луковица памяти» апозиопеза «переключает» тему повествования: «Ich sagte: “Also, wenn dich mein Lagerleben unter Bayerns Himmel nicht interessiert...”

Sie drauf: “Na, erzähl schon...”» [2: S. 420].

При переходе от одного композиционного звена к другому апозиопеза выполняет роль интригующей, активизирующей внимание читателя (слушателя) связки и реализует функцию *привлечения внимания*, например, в эпизоде решения отца о будущем дочери (роман Т. Хюрлимана «Сорок роз»): «Er hat uns gewissermaßen ein Ultimatum gestellt. Entweder bist du bereit, in ein Pensionat zu gehen... /Oder?/ Oder wir verreisen» [3: S. 104].

Умолчание об очевидном может быть использовано как прием языковой игры, творческое экспериментирование, где множество условных «подстановок» создают неограниченное количество свободных вариаций. Т. Бруссиг в романе «Герои вроде нас» использует в диалоге родителей о сыне апозиопезу, построенную на основе приема языковой игры. Цель такой апозиопезы не увеличение экспрессивности высказывания, а создание эмоциональной недосказанности. Автор придает синтаксическому построению напряжение, побуждает к домысливанию. Тем самым он реализует функцию *эмоционального воздействия* родителей на сына, который присутствует при разговоре: «Ich bitte Sie, ich wurde nie geschlagen oder angeschrien, und selbst wenn ich bestraft werden sollte, mußten meine Eltern wie in jedem Schwurgerichtsprozeß zu einem einstimmigen Urteil kommen, was manchmal gar nicht so einfach war.

Sie: “Wir müssen doch nicht immer so streng...”

Er: “Willst du durchgehen lassen...”

Sie: “Aber wenn er verspricht...”

Er: “Ja, soll er davonkommen, ohne...” [1: S. 36–37].

Апозиопеза широко представлена во внутренней речи героев художественных произведений. Внутренняя речь, обращенная индивидуумом к самому себе, отражает рефлексии по отношению ко всему, что его волнует, например, к событиям своей прошлой жизни, как в романе Г. Грасса «Луковица памяти»: «Doch Klagen wie, ach hätte ich doch einen standhaften Vater wie Wolfgang Heinrichs gehabt und nicht einen, der bereits sechsunddreißig, als im Freistadt Danzig der Zwang noch mäßig war, in die Partei eintrat, sind billig und haben als Echo allenfalls jenes Gelächter zur Folge, das der Spötter in mir freigibt, sobald vergleichbare Ausreden laut werden: Hätten wir damals... Wären wir damals...

Aber ich habe nicht, bin nicht» [2: S. 25–26].

В ситуации письменного речевого акта апозиопеза может служить средством создания несобственно-прямой речи, совмещения субъектных планов повествователя и персонажа. Данный прием применяется в художественной литературе и публицистике, когда автору нужно показать героя как бы изнутри, дать читателю услышать его внутренний голос. Например, при описании внутреннего монолога главной героини романа Т. Хюрлимана «Сорок роз»: «Nein, sie wollte jetzt nicht an Oskar denken. Oder an Adeles Neugier. Oder an das Geschwätz im Städtchen, die reden immer, hocken in der Tankstelle, verfolgen das An- und Abfahren der Autos und lassen sich vom Briefboten die Neuigkeiten des Tages erzählen, die immergleichen Geschichten vom Werden und Welken, vom Kommen und Gehen...

Vorfahren.../Nachfahren.../Autoauto, Autoauto...» [3: S. 116].

Апозиопеза нередко вступает в конвергенцию с другими стилистическими приемами. Например, в романе Г. Грасса «Луковица памяти» отрывочные воспоминания автора предстают перед читателем в виде целого ряда апозиопез, которые взаимодействуют с анафорой (die Anapher) и перечислением (die Aufzählung): «Schon ist widerlegt, was jeweils auf Wahrheit bestehen will, denn oft gibt die Lüge oder deren kleine Schwester, die Schummelei, den haltbarsten Teil der Erinnerung ab; niedergeschrieben klingt sie glaubhaft und prahlt mit Einzelheiten, die als fotogenau zu gelten haben: Das unter der Julihitze flimmernde Teerpappendach des Schuppens auf dem Hinterhof unseres Mietshauses roch bei Windstille nach Malzbonbon...

Der abwaschbare Kragen meiner Volksschullehrerin, des Fräulein Spollenhauer, war aus Celluloid und schloß eng, daß ihr Hals Falten warf...

Die Propellerschleifen der Mädchen sonntags auf dem Zoppoter Seesteg, wenn die Kapelle der Schutzpolizei muntere Weisen spielte...

Mein erster Steinpilz...

Als wir Schüler hitzefrei hatten...

Als meine Mandeln schon wieder entzündet waren...

Als ich Fragen verschluckte...» [2: S. 9].

Последовательное перечисление отдельных обрывков воспоминаний автора романа не только служит средством выразительности, приемом создания фотографической точности описания, но и структурирует повествование,

упорядочивает его многослойность, сближая его тем самым по манере изложения с простой спонтанной речью.

Усеченным синтаксическим структурам присуща естественная выразительность, поэтому их введение в речь способствует созданию эффекта интимизации, рекламности, усилению субъективно-модальных значений [9: с. 478–479]. Апозиопеза может быть успешно использована в ораторской речи, в деловой беседе неформального характера. Для официально-делового и научных стилей усеченные конструкции практически не характерны; редко, в основном в качестве окказионального явления, употребляются в научно-популярном стиле.

Следует различать апозиопезу, в которой могут быть опущены любые части предложения независимо от их информативной ценности, и эллипсис (нем.: *Ellipse*, *Auslassungssatz*). В эллипсисе опускаются как главные, так и второстепенные члены предложения, легко восстанавливаемые в контексте или же не несущие особой смысловой информации. В современном немецком языке эллипсис является продуктивным средством не только языковой экономии, но и эмоциональной экспрессии.

Противоположный апозиопезе стилистический прием называется *прозиопеза* (или *просиопеза*, *просиопезис*, *прозиопезис*) (греч. *προσιώπησις* — умолкание впереди; англ. *prosiopesis*) — усечение (элизия) предшествующей части высказывания, обычно в быстрой (фамильярной, непринужденной) речи [14: с. 365]. Намеренное опущение начала высказывания объясняется существенной долей автоматизма разговорной речи, а также широким использованием стереотипных оборотов. Языковым сигналом «усечения» начала высказывания служит нереализованность (незаполненность) «левосторонней» валентности его вербализованной части, а пунктуационным — многоточие [12: с. 515–516]. Пропущенный элемент высказывания легко восстанавливается в сознании адресата, так как прозиопеза обычно представляет собой конец цитаты, поговорки, фразеологизма или устойчивого выражения. Для создания прозиопезы также используются крылатые слова и строчки из широко известных литературных произведений. Гораздо реже для восстановления первой части высказывания требуется привлечение контекста всего целого.

В публицистическом стиле прозиопеза как фигура убавления или нарочито неполной речи часто используется в газетных заголовках в интригующей функции, а также в рекламных текстах. На основе свободных сочетаний слов прозиопеза создается достаточно редко.

В языке сети Интернет прозиопезы в виде пропуска ожидаемых инициальных частей реплик диалога довольно широко распространены в дискуссионных группах. Так, реплика нового участника дискуссии подхватывает реплику предыдущего и становится ее грамматическим продолжением, даже если предшествующая реплика представляет собой законченное высказывание. В подобных случаях между репликами, как правило, выстраиваются не гипотактические, а паратактические отношения путем простого соположения соотносящихся

элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого. Реплики-подхваты представляют собой составную часть сложносочиненного предложения или новый член продолжающегося однородного ряда.

Таким образом, выделенные нами функции апозиопезиса в различных речевых ситуациях и стилях, сравнение апозиопезиса с близкими ей стилистическими приемами эллипсиса и прозиопезиса дают представление о выразительных возможностях современного немецкого языка. Апозиопезиса может рассматриваться как способ превращения базовых структурных моделей немецкого предложения в стилистические приемы, наделяющие основные модельные грамматические структуры дополнительным потенциалом выразительности.

Библиографический список

Источники

1. *Brussig T.* Helden wie wir. Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 325 S.
2. *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 480 S.
3. *Hürlimann T.* Vierzig Rosen. Amman Verlag, 2006. 368 S.
4. *Stamm P.* In fremden Gärten. Erzählungen. btb Verlag, 2005. 154 S.

Литература

5. Античные теории языка и стиля: (Антология текстов). СПб.: Алетейя, 1996. 362 с.
6. *Артюшков И.В.* Прерванные предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 16 с.
7. *Беляева М.В.* К вопросу о специфике синтаксиса устного дискурса в немецком языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 2 (4). С. 37–42.
8. *Беляева М.В.* О началах дискурсивного синтаксиса немецкого языка // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 33–38.
9. *Данилевская Н.В., Трошева Т.Б.* Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 474–482.
10. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 257 с.
11. *Джанжакова Е.В.* О разграничении тропов и фигур // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск: КГУ, 1988. С. 112–114.
12. *Сковородников А.П.* Просиопезис // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 515–516.
13. *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 255 с.

Справочные и информационные издания

14. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Либроком, 2010. 576 с.
15. *Duden.* Die Grammatik. Band 4. 7. Auflage. Dudenverlag. Mannheim, 2006. 1344 S.

References

Istochniki

1. *Brussig T.* Helden wie wir. Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 325 S.
2. *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 480 S.
3. *Hürlimann T.* Vierzig Rosen. Amman Verlag, 2006. 368 S.
4. *Stamm P.* In fremden Gärten. Erzählungen. btb Verlag, 2005. 154 S.

Literatura

5. Antichny'e teorii yazy'ka i stilya: (Antologiya tekstov). SPb.: Aletejya, 1996. 362 s.
6. *Artyushkov I.V.* Prervanny'e predlozheniya v sovremennom russkom yazy'ke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1981. 16 s.
7. *Belyaeva M.V.* K voprosu o specifikе sintaksisa ustnogo diskursa v nemeckom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 2 (4). S. 37–42.
8. *Belyaeva M.V.* O nachalax diskursivnogo sintaksisa nemeckogo yazy'ka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 33–38.
9. *Danilevskaya N.V., Troshcheva T.B.* Stilisticheskie resursy' sintaksisa (sintaksicheskaya stilistika) // Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / pod red. M.N. Kozhinoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2006. S. 474–482.
10. *Devkin V.D.* Nemeckaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1979. 257 s.
11. *Dzhanzhakova E.V.* O razgraničeníi tropov i figur // Ritorika i sintaksicheskie struktury'. Krasnoyarsk: KGU, 1988. S. 112–114.
12. *Skovorodnikov A.P.* Prosiopеза // Kul'tura russkoj rechi: e'nciklopedicheskij slovar'-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryaeva i dr. M.: Flinta: Nauka, 2003. S. 515–516.
13. *Skovorodnikov A.P.* E'kspressivny'e sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1981. 255 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskix terminov. Izd. 5-e. M.: Librokom, 2010. 576 s.
15. *Duden.* Die Grammatik. Band 4. 7. Auflage. Dudenverlag. Mannheim, 2006. 1344 S.

L.V. Fadeeva

Aposiopesis as a Stylistic Means of Sentence Structure Reduction in Modern German

The article is devoted to a detailed analysis of aposiopesis as a stylistic means of creating syntactic expressiveness in Modern German. The author classifies functional and stylistic features of interrupted syntactic structures; differences identified between aposiopesis/prosiopesis and other stylistic means related to the change in sentence structure.

Keywords: syntactic expressiveness; aposiopesis/prosiopesis; interrupted syntactic structures; ellipsis.